

Таисия КОЧЕТОВА

ПЕСНИ

Что-то стало от музыки
тесно,
в уши бьется веселый разлив.
Ой, не пойте мне русские
песни
на лихой зарубежный мотив!
И когда умножают тревогу
пир горю, а рядом — чума,
снова жадно гляжу на дорогу,
проклиная тебя, Колыма.
Сахалинский бродяга мне
снится,
убегающий узкой тропой,
где летят перелетные
птицы
над родимой до боли землей.
Русский вальс буду слушать
я старый
и как с другом ямщик
говорит,
как поет семиструнно
гитара,
а лучина горит и горит...

* * *

Так зренье порой непонятно:
стена остается стеной,
и тени — волшебные пятна —
живут, не замечены мной.
В деревьях я вижу — деревья,
а в солнце — лишь солнечный

круг.

Но это незрячее зренье
капризно меняется вдруг.
Увидеть могу и подслушать
девчоночий голос реки,
и скрипку — в разрезанной

груше,

и чайку — в изломе руки...

ЗЕМЛЯКУ

Когда подступит к сердцу
острое

предощущение беды, —

земляк, ты вспомни: мы

на острове,

среди бушующей воды.

Не избалованы мы негою,

суров наш пенистый прибой,

нам даже жаловаться

некому,

ведь мы на острове с тобой.

Тебя был тоже шторм

неласковый

и ангел смерти целовал,

но нашей лодке перелатан-

ной

еще грозит девятый вал.

Пусть кто-то там живет

по волчьему

закону хитрости и зла,

но мы на острове.

Нам подличать

и предавать никак нельзя.

Когда ты скажешь:

как непросто мне

в такой лихой, тяжелый

час, —

земляк, ты вспомни:

мы на острове,

и все зависит лишь от нас!

В ОЧЕРЕДИ

— Кто последний за

мукой? —

А в ответ ни звука.

Впереди меня с клюкой

ветхая старуха.

Узловатая рука

слабо держит сдачу,

полбутылки молока

и махорки пачку.

— Встань поближе, —

говорит, —

я ж твоя судьбина. —

Мудрый глаз ее горит

горечью рябины.

— Кто последний? —

и за мной

занимает место

вся, как лучик озорной,

девушка-невеста.

Улыбается, добра:

— Видно, не узнали?

Вы ж меня еще вчера

в зеркало видали. —

Растревожена до пят:

в этом магазине

две судьбы мои стоят,

я — посередине.

10.000 - 1990

11.000 - 1990